

— Почем этот коврик? — Мин Хань поднял подставку под чашку размером с ладонь. По товару на этом прилавке сразу было видно, что это ручная вязка — у каждого изделия был свой неповторимый узор.

— Тридцать юаней, — седовласая бабушка ласково улыбнулась. — Молодой человек, вы ведь не местный?

Мин Хань с улыбкой кивнул и выбрал еще одну кисточку в тон.

— А это?

— Если возьмете оба, отдам за пятьдесят, — предложила старушка.

Мин Хань охотно расплатился и пошел осматривать другие прилавки. Изделия у уличных торговцев были во многом похожи, но те подставки не вызывали у него такого сильного чувства узнавания, как на первом прилавке. Пройдя вглубь, он оказался среди рядов старых домов. Стоило спросить первую встречную женщину, как он тут же узнал адрес У Ляньшань.

Мин Хань не спешил подниматься. Он купил порцию рисовой лапши у лоточника внизу и принялся ждать, неспешно перекусывая.

Торговцы один за другим начали сворачивать лавки, и вскоре бабушка с корзиной в руках вернулась домой. Мин Хань поднялся и помахал ей рукой:

— Бабушка У.

Старушка оторопела, решив, что парень передумал насчет покупки — таких клиентов ей попадалось немало.

— Молодой человек, вы...

Мин Хань предъявил удостоверение:

— Вы ведь бабушка У Ляньшань?

Старушка подпрыгнула от испуга:

— С нашей Шаньшань что-то случилось?

— Не волнуйтесь, с ней всё в порядке. Просто вы знаете специфику её работы — в больнице она постоянно контактирует с пациентами, это особая среда, — успокоил её Мин Хань. — Поэтому нам нужно провести семейный опрос.

Бабушка У мало что понимала в таких делах, но, убедившись, что внучка жива-здорова, успокоилась. При упоминании работы У Ляньшань на её лице отразилась гордость. Она повела Мин Ханя вверх:

— Пойдемте в дом, поговорим. Я живу одна, места много.

Старые дома на улице Бацзяо прошли через капитальный ремонт, и, несмотря на почтенный возраст, выглядели вполне прилично. Бабушка У оказалась большой любительницей чистоты: в квартире всё блестело. Едва переступив порог, Мин Хань заметил на стене в гостиной вязаное панно — оно было большим и на первый взгляд впечатляющим, но при ближайшем рассмотрении выглядело куда грубее тех подставок, что он купил на улице.

Бабушка У улыбнулась:

— Это наша Шаньшань училась делать. Маленькой она всё твердила, что научится вязать и мастерить, чтобы помогать мне. Теперь она медсестра, куда успешнее меня стала.

Она налила Мин Ханю стакан воды:

— Присаживайтесь, я принесу альбом.

— Альбом?

— Разве вы не проводите семейный опрос? — удивилась бабушка.

Мин Хань кивнул:

— Да, будьте добры.

Бабушка У вынесла фотоальбом, перелистнула пару страниц и вдруг расплакалась:

— Нелегкая доля выпала нашей Шаньшань, в несколько лет осталась без родителей. А я, старая, никуда не гожусь. Если бы не помощь соседей, не знаю, как бы я её вырастила.

В ходе раннего расследования У Ляньшань упоминала о рано умерших родителях: они занимались дешевой одеждой, работали от зари до зари и практически жили на оптовом рынке. Оба погибли в автокатастрофе во время очередной поездки за товаром.

— Дед Шаньшань тоже рано ушел, те годы были по-настоящему горькими. Хорошо, что я смолоду училась ремеслу у мастера — тяжело было, но на жизнь хватало, — вспоминала старушка, всхлипывая. — Шаньшань тогда говорила, что вырастет и станет полицейским. А я ей: «Полицейскими мальчики становятся, куда тебе, девчонке?».

— У Ляньшань хотела быть полицейским? — Мин Хань удивился. — Никогда бы не подумал.

— Это было очень давно. Маленькая была, ничего не понимала, знала только, что плохих людей ловят полицейские. Кричала, что пойдет в полицию, чтобы отомстить за папу с мамой...

— Бабушка У внезапно осеклась.

— Отомстить? — подхватил Мин Хань.

Старушка неловко замахала рукой:

— Да пустяки, детские бредни.

— Бабушка У, — серьезно произнес Мин Хань, — наше расследование требует внимания ко всем деталям.

Женщина замялась:

— Но... Шаньшань запретила мне об этом рассказывать.

— Неужели У Ляньшань совершила что-то, о чем полиции знать не следует?

Бабушка испугалась и замахала головой:

— Нет-нет, что вы! Просто она не хочет больше вспоминать тот случай.

Мин Хань выжидательно молчал. Наконец бабушка вздохнула:

— Эх, если я не объясню, вы еще плохо о нашей девочке подумаете. Ладно, скажу. Её родители... мой сын и невестка... их погубили торговцы дрянью!

— Торговцы? О чем вы?

— Да о чем же еще? — Старушка будто не хотела произносить это слово. Она раскрыла правую ладонь, а левой сделала жест, имитирующий вдыхание порошка. — Проклятые души!

Мин Хань внутренне вздрогнул. Родители У Ляньшань погибли из-за наркоторговцев? Есть ли связь между семьей У и наркотиками?

Утирая слезы, бабушка У рассказала, что её сын и невестка были честными работягами, никогда не лезли на рожон и мечтали лишь о том, чтобы дочь росла здоровой. До той аварии вся семья и понятия не имела о наркоторговцах.

В тот день они выехали за товаром еще затемно. Они ездили по этой дороге сотни раз в это время суток. Внезапно на них на бешеной скорости вылетел небольшой грузовик — увернуться было невозможно. Минивэн от удара отбросил и несколько раз перевернуло. Когда приехала скорая, сын уже был мертв, а невестка испустила дух по дороге в больницу.

Для многих это выглядело как обычное ДТП. Водитель грузовика вроде был пьян, а погибшим просто не повезло. Но позже полиция рассказала бабушке правду: в грузовике были наркоторговцы, пытавшиеся под покровом ночи уйти от погони.

Преступников поймали. При задержании они оказали сопротивление, двоих застрелили на месте — в том числе и водителя. Остальные двое отправились в тюрьму. Бабушка с внучкой тогда рыдали, обнявшись: что толку, если убийцы мертвы? Родных людей уже не вернуть.

— Я понимаю Шаньшань, она не хочет, чтобы я вспоминала об этих мерзавцах. Эта рана в её сердце никогда не заживет, — сказала бабушка У. — Мы простая семья, без особого образования, но родители её по-настоящему обожали. Я не представляю, как она это пережила.

Старушка долго рассказывала о жизни, когда сын и невестка были живы, а в душе Мин Ханя уже поднималась буря. Как только в деле появляются наркотики, его характер меняется. У Ляньшань и раньше казалась ему подозрительной, а теперь стала еще загадочнее.

Успокоившись, Мин Хань достал купленные подставки. Бабушка У тут же запротестовала:

— Я сейчас же верну вам деньги! Как я могу брать с вас плату?

— Бабушка У, я не об этом, — остановил её Мин Хань. — Просто мне показалось, что я уже видел такие подставки раньше.

Женщина всё равно настаивала на возврате денег, и тогда Мин Хань задал вопрос, заставивший её замереть:

— Вы продавали их где-нибудь в другом месте?

Бабушка У на мгновение растерялась:

— Вы имеете в виду Чжуцюань?

Мин Хань едва заметно затаил дыхание:

— Вы жили в Чжуцюане?

— Шаньшань вам не говорила? Да, мы ездили туда, прожили чуть больше полугода.

— Когда это было?

— Лет десять назад? — Старушка улыбнулась. — Тогда на этой улице еще не было ремесленных рядов, заработать было трудно. Одна соседка сказала, что в Чжуцюане торговля идет бойчее. А Шаньшань как раз сломала руку, в школу ходить не могла, вот я и забрала её с собой.

Тогда У Ляньшань училась в средней школе. Это была не самая лучшая школа: полно хулиганов, учителя смотрели на всё сквозь пальцы. У девочки не было родителей, она жила с бабушкой-лоточницей — когда это стало известно в классе, У Ляньшань превратилась в объект травли. В средней школе дети уже многое понимают; в них смешивается расчетливое зло взрослых и примитивная жестокость подростков. Почти в каждом классе выбирали жертву, на которую обрушивался этот поток ненависти. На школьной форме У Ляньшань рисовали уродливые картинки, ей обрезали волосы под «неформалку», плевали в портфель и учебники. Но она не была из тех, кто терпит молча. Она ввязалась в драку и проломила обидчику голову, а её саму толпа сверстников столкнула с лестницы — так она и получила перелом.

Когда вызвали родителей, отец мальчика с разбитой головой прекрасно знал, что его сын — задира. Он не только не потребовал компенсации, но и сам оплатил лечение У Ляньшань.

Видя внучку на больничной койке, всю в ссадинах и с гипсом, бабушка У страдала невыносимо. Собирая ей вещи для больницы, она разрыдалась. Услышав шум, пришла соседка. Бабушка излила ей душу: мол, во всём виновата её никчемность, Шаньшань изводят в школе, а будь живы родители, такого бы не случилось.

Соседка, утешая её, предложила выход:

— Не кори себя. У тебя же золотые руки! Твои плетеные вещи такие красивые, всё наладится.

— Толку-то! — махнула рукой бабушка. — Тут все плетут, ничего не продашь.

И тут соседка вспомнила, что её дальний родственник в прошлом году открыл магазин плетеных изделий в Чжуцюане и дела у него идут в гору. Там это в диковинку, люди охотно покупают.

Соседка посоветовала поехать туда: получится продать — хорошо, нет — так вернетесь. Бабушка загорелась идеей, но переживала за внучку:

— А как же Шаньшань?

Но соседка рассудила здраво:

— Она же с переломом, в школу всё равно не пойдет. Да и захочет ли она туда возвращаться после всего? Возьми её с собой, пусть развеется. Ну пропустит год, что с того? Увидит мир — глядишь, и на душе легче станет.

Бабушка У сочла это хорошей идеей. Когда У Ляньшань готовилась к выписке, она спросила:

— Может, съездим в Чжуцюань на время?

Услышав, что в школу можно не ходить, У Ляньшань просияла.

Так бабушка с внучкой собрали вещи и отправились в Чжуцюань. Родственник соседки помог им: нашел дешевую комнату на улице Хэлэ, неподалеку от второй средней школы.

— Место не в центре, зато аренда копеечная, — наставлял он их. — И школа рядом, ученики любят всякие такие безделушки. Раскрутитесь — найдете место получше.

Бабушка У была безмерно благодарна и тут же взялась за дело. Полгода она только и делала, что торговала. Сейчас, пытаюсь вспомнить, чем занималась У Ляньшань в Чжуцюане, она не могла припомнить ни одной детали.

Поначалу торговля шла отлично: диковинка привлекала людей. Когда спрос у второй школы насытился, бабушка стала менять районы. Домой она возвращалась всё позже, так что готовка и поход за продуктами легли на плечи У Ляньшань.

— Почему же вы в итоге вернулись? — спросил Мин Хань.

— Чжуцюань всё-таки не наш родной дом, — вздохнула бабушка. — Да и Шаньшань нельзя было вечно без школы оставлять.

Через три месяца жизни в Чжуцюане бабушка У задумалась о переводе внучки в местную школу. Но выяснилось, что в их ситуации это невозможно. У Ляньшань часто обнимала её и говорила: «Бабушка, ну и не надо, буду с тобой плести». Но старушка при всей своей простоте понимала: для людей их круга единственный путь наверх — это учеба. Если Шаньшань останется при ней, это погубит её будущее. Как она потом посмотрит в глаза покойным сыну и невестке?

Нужно было учиться, а значит — возвращаться в Яфу. Но У Ляньшань всё еще панически боялась школы, и бабушка решила подождать до конца праздничного сезона, чтобы напоследок заработать.

На Новый год торговля шла бойко, У Ляньшань помогала бабушке. На заработанные деньги они неплохо справились с праздниками. Бабушка снова спросила внучку о возвращении в школу, но та лишь покачала головой.

Переломный момент наступил вскоре после начала учебного семестра. В один прекрасный день У Ляньшань вдруг сказала:

— Бабушка, я хочу вернуться.

— Что случилось? — удивилась та.

У Ляньшань лишь покачала головой:

— Просто смотрю, как другие учатся, и завидно стало.

— Глупая ты моя, у тебя тоже будет школа, — обрадовалась бабушка, дождавшись наконец исцеления душевной раны внучки. Она тут же съехала с квартиры, спросив У Ляньшань, не нужно ли ей попрощаться с друзьями.

— Я уже со всеми попрощалась, — ответила девочка.

— Вы помните, с кем она дружила в Чжуцюане? — спросил Мин Хань.

— Да я так, к слову спросила, — ответила бабушка У. — Друзья наверняка были, но я их не видела и не знаю.

Несмотря на прибыльный рынок Чжуцюаня, бабушка У поспешила домой. У Ляньшань пошла в школу, оставшись на второй год.

— Та поездка правда пошла ей на пользу, — с облегчением добавила старушка. — Шаньшань будто открылась миру. Она была старше одноклассников, и её больше никто не смел обижать. Учительница потом говорила, что она сама стала защищать девочек, которых травили.

— Вспомните еще раз: У Ляньшань сама предложила вернуться? — уточнил Мин Хань.

— Да, и она даже торопила меня, мол, нельзя уроки пропускать.

В голове Мин Ханя тут же выстроилась временная шкала. Перемена в У Ляньшань произошла как раз в период подмены Цзэн Янь. Почему девочка, так ненавидевшая школу, вдруг захотела вернуться? Не потому ли, что ей нужно было срочно бежать из Чжуцюаня? И как У Ляньшань связана с настоящей и фальшивой Цзэн Янь?

Мин Хань достал школьное фото Цзэн Янь:

— Раз вы торговали у второй школы, вы не видели эту девочку?

Бабушка посмотрела на снимок и покачала головой:

— Не помню. Может и видела, но забыла — там же полно детей в форме.

Тогда Мин Хань показал фото Хао Лэ, Фэн Фэна, Кэ Шуэр и Инь Цзинлю. Бабушка У отреагировала только на Инь Цзинлю:

— Кажется, я видела этого мальчика.

— Это сын Инь Гаоцяна, владельца лапшичной у школы, — пояснил Мин Хань. — Отличник.

— Точно-точно! — осенило бабушку. — Он очень хорошо учился, я еще ставила его в пример Шаньшань. Жаль, он потом пропал.

— Вы и об этом помните?

— Тогда об этом весь город гудел, — ответила старушка.

Мин Хань спросил:

— Старый Инь покупал у вас подставки?

Бабушка растерялась:

— Вроде нет, не припомню.

— Дело в том, что я видел точно такие же подставки в его заведении, — сказал Мин Хань.

Бабушка долго пыталась вспомнить, но безуспешно. Напоследок она добавила:

— Вряд ли это мои. Когда вы их видели?

— Совсем недавно.

— Тогда точно не мои. Ручная работа красивая, но долго не служит, особенно в кафе.

Мин Хань решил проверить историю с подставками в лапшичной.

— Шаньшань об этом не говорит, но я знаю, что Чжуцюань дорог ей, — продолжала бабушка У.
— Иначе она бы не поехала туда учиться и работать. Теперь она остепенилась, нашла парня, и я спокойна.

— Она рассказывала вам о нем?

— Даже привозила знакомиться! — радостно сообщила бабушка. — С виду чистый, честный малый. Я ведь так боялась, что её там кто-нибудь обидит или обманет.

Мин Ханю это показалось странным. В У Ляньшань и У Е явно было что-то нечисто. Судя по уликам, их отношения вряд ли строились на одной лишь любви. Зачем тогда она возила его знакомиться с бабушкой? Если это не любовь, значит, есть иное объяснение.

— Даже с семьей познакомила? — Мин Хань перешел на доверительный тон. — Значит, к свадьбе дело? Когда они приезжали?

— В апреле этого года, — просияла бабушка. — Я еще удивилась: Шаньшань вечно в работе и учебе, с чего вдруг приехала? Оказалось — сюрприз, парня привезла.

Мин Хань прикинул: апрель был спокойным месяцем, ничего особенного не происходило.

— Я уже старая. Хочу, пока ноги носят, навязать вещей на продажу, чтобы Шаньшань приданое собрать, — в глазах старушки снова заблестели слезы. — Она так спешила познакомить меня с ним... Наверное, хотела, чтобы я была спокойна, чтобы увидела её невестой. Она с детства была очень чуткой девочкой.

Мин Хань задал еще несколько вопросов о У Е. Бабушка знала его имя и училище, но о семье ничего не слышала — ей было важно лишь, чтобы парень был трудолюбивым.

Выйдя из дома У, Мин Хань еще раз осмотрел прилавки с плетением. Он всегда доверял своей памяти: если подставки показались ему знакомыми, значит, он видел их у старого Иня. Но бабушка не помнила такой продажи, да и вещи не живут по десять лет. В чем же секрет?

Мин Хань сфотографировал подставку и отправил Чэнь Чжэну. Тот ответил вопросительным знаком. Тогда Мин Хань позвонил и кратко описал ситуацию. Чэнь Чжэн тоже вспомнил те подставки в лапшичной — они действительно были похожи на фото.

— Я проверю это. Что еще нашел? — спросил Чэнь Чжэн.

Мин Хань выделил три подозрительных момента. Во-первых, У Ляньшань скрыла гибель родителей от рук наркоторговцев и факт школьной травли. Во-вторых, из-за этой травли она прожила полгода у второй школы в Чжуцюане и внезапно захотела вернуться в Яфу именно ранней весной. В-третьих, визит с У Е к бабушке в апреле этого года кажется лишним шагом.

Чэнь Чжэн запнулся на новости о наркоторговцах.

— У Ляньшань сейчас под наблюдением. Я спрошу её об этом, — сказал он. — А что думаешь насчет знакомства с бабушкой?

Чэнь Чжэн задумался.

— Визит к семье — это ширма. Либо им нужно было срочно уехать из Чжуцюаня в то время, либо нужно было что-то сделать в Яфу.

— Похоже, мне придется задержаться в Яфу еще на день, — подытожил Мин Хань.

— Как так? Ты же собирался вернуться сразу после опроса?

— Мы, бойцы мобильной группы, работаем быстро.

— Быстро — не значит суматошно.

Мин Хань усмехнулся:

— На самом деле, я просто соскучился по Чжуцюаню...

— М?

Последнее слово замерло на языке, и Мин Хань поправился:

— ...по его кухне.

Чэнь Чжэн хмыкнул:

— Обжора.

Времени было еще достаточно, и Мин Хань направился в восьмую школу Яфу, где У Ляньшань училась и в средних, и в старших классах. Теперь у него был веский повод для визита — школьный буллинг.

Появление полиции напрягло администрацию. Классный руководитель У Ляньшань, уже поседевшая женщина, при упоминании травли начала нервно поправлять очки:

— Это всё недоразумение. Бабушка У уже старая, она преувеличивает. У Ляньшань тогда сломала руку, но это был обычный конфликт, подралась с одноклассником. Никакого насилия.

— Опыт У Ляньшань в средней школе важен для нашего дела, — отрезал Мин Хань. — Помимо вас я поговорю с её одноклассниками и друзьями.

Учительница занервничала и после консультации с директором наконец признала:

— Да... её действительно обижали. У нас был обычный класс, дисциплина хромала. Мы, учителя, по горло в уроках, не всегда успевали заметить.

Мин Хань не собирался выяснять причины буллинга. Ему нужно было подтверждение: У Ляньшань прошла через это. Средняя школа — самый чувствительный возраст. Что она пережила в Чжуцюане, раз, вернувшись в Яфу, стала совершенно другим человеком и больше не давала себя в обиду? То, что она осталась на второй год — лишь внешнее обстоятельство. А что изменилось внутри?

Он поговорил с учителями старших классов. Все в один голос твердили: У Ляньшань была взрослой, рассудительной, защищала слабых девочек и не боялась давать отпор парням. Она будто усвоила урок: мальчишки могут казаться наглыми, но если девушка проявит силу, они не посмеют сунуться.

В медучилище она тоже участвовала в женских инициативах. Возможно, корни этого в её школьном прошлом? Но почему она бросила всё это, начав встречаться с У Е?

Вопросов становилось всё больше. Вдруг зазвонил телефон. Номер не был занесен в память, но Мин Хань сразу догадался, кто это.

— Брат Мин, ты где? — возбужденно закричал Сюй Чуань.

— Какой напор. Что нашел?

Сюй Чуань глубоко вдохнул:

— Ты ведь на улице Бацзяо? Ты говорил, что поедешь туда!

— Да, объект моего интереса родом отсюда.

— А тот человек, которого изучаю я... Чжао Шуйхэ! — выпалил Сюй Чуань. — Она тоже жила на Бацзяо! Представляешь, какое совпадение?

Лицо Мин Ханя посуровело. Он открыл блокнот, где в кружок был обведен апрель. Совсем недавно он думал, что апрель был спокойным месяцем. Но спокойным он был только для Чжуцюаня. В Яфу в апреле произошло убийство Чжао Шуйхэ!

<http://bllate.org/book/17170/1615541>